

Гражданское общество без граждан?

Гражданское общество без граждан? В накопившейся на сегодняшний день политологической литературе, посвященной анализу переходных процессов, проблематика гражданского общества занимает одно из наиболее заметных мест. Можно говорить о том, что идея гражданского общества превратилась в одну из наиболее модных в последнее десятилетие концепций политической науки. В основе этой академической моды лежит вполне обоснованное убеждение многих ученых и политиков-практиков в том, что между ходом демократических преобразований и развитием гражданского общества существует принципиальная взаимосвязь, что формирование институтов гражданского общества и становление самостоятельной низовой гражданской активности самым непосредственным образом способствуют процессу демократизации, и гражданское общество прокладывает дорогу к демократии.

Интерес к этой проблематике обусловлен, прежде всего, тем обстоятельством, что Россия, как и многие другие страны, находится в ситуации выбора стратегической модели развития. Точнее, выбора отношения к одной-единственной модели, которая предъявлена всему человечеству так называемым Западом. Суть этой модели довольно проста: рыночные отношения в экономике, права человека как альфа и омега общественной жизни, уважение к закону, защищающему права человека, публичность и информационная открытость власти, действительно подотчетной избирающему ее народу. В других терминах эта модель описывается понятиями: «гражданское общество», «открытое общество», «информационное общество».

Разумеется, реальная жизнь в странах Запада отнюдь не всегда протекает в соответствии с этими идеалами. Но глупо и смешно на этом основании отрицать саму эту модель, так же как глупо и смешно отрицать заповеди Иисуса Христа из-за того, что поведение многих верующих им не соответствует. Важно другое: западные общества, выдвинувшие эту модель организации жизнедеятельности социума, медленно, трудно, но настойчиво реализуют ее, доказывая, что так можно жить. И более того, жизнь, организованная на этих основаниях, значительно эффективнее, чем жизнь в других обществах. И сейчас перед остальными странами со всей остротой возник вопрос: брать ли эту модель за основу или искать другие, а если брать, то как ее реализовывать с учетом принципиально разного исторического и культурного опыта народов?

Существует три варианта ответа на этот вопрос. Один из них можно обозначить понятием «вестернизационный проект», другой – «модернизационный проект», третий – «фундаменталистский (или, в других терминах, «архаический») проект». Вестернизационный проект связан с уверенностью в неотвратимости построения универсального мирового сообщества, основывающегося на принципах демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения модели индустриальной или постиндустриальной экономики. Россияне, ориентированные на вестернизацию, хотят участвовать в реализации этого грандиозного исторического проекта.

Сторонники модернизационного проекта считают, что западный вариант мироустройства сталкивается в России с неразрешимыми трудностями и должен быть заменен схожим по форме, но альтернативным по сути процессом модернизации. Модернизация представляет собой особую форму приспособления традиционных обществ к вызовам глобализирующейся цивилизации. Суть модернизации заключается в стремлении сохранить культурные корни и соединить их с элементами современной западной цивилизации. Так, например, усвоение некоторых рыночных параметров организации экономической жизни совмещается с искренней уверенностью в уникальности российской культуры, построенной на принципиально нерыночных основаниях. Нежелание идти на политическое объединение планеты совмещается со стремлением к хозяйственной унификации и т.д. Наконец, фундаменталистский проект ориентируется на принципиальный и высокомерный отказ от ценностей западного мира, опирается на идеи «возврата к истокам», «припадания к глубинным основам народной мудрости» и т.д.

Что касается России, то, как и многие другие государства, вкушившие горькие плоды практического воплощения социальной утопии, она приступила к самотрансформации. Уникальность такой

трансформации в России заключается в одновременном протекании трех процессов: в переходе от тоталитарного политического режима к демократическому, от централизованно планируемой экономики - к рыночной и от бывшей советской империи - к формированию национального государства. В течение последних десяти лет в России происходило становление институтов политической демократии, формировался рыночный характер экономики, создавались новые правовые основы государственной и общественной жизни. Ушли в прошлое цензура и идеологический диктат в сфере культуры и искусства. Появились основные атрибуты демократической государственности: выборность руководителей исполнительной власти и законодателей, многопартийность, разделение властей. Происходила также определенная стабилизация государственной власти и управления.

Однако во многих важных сферах жизни страна развивалась в сторону хотя и нового, но не слишком привлекательного общественного устройства. Цивилизованные и максимально прозрачные отношения бизнеса и государства, защита конкуренции и добросовестного предпринимательства находятся в зачаточном состоянии. Слабо развито партнерство между государством и обществом, еще не сложились механизмы общественного контроля за властью. В результате сохраняется, а временами нарастает отчуждение власти от общества и общества от власти. Широко распространено представление о коррумпированности и неэффективности государства. С другой стороны, власть по-прежнему нередко видит в населении не граждан, а подданных. Много надежд возлагалось на неправительственные (негосударственные) организации (НПО или НГО). Некоторое время назад среди российских политических деятелей и аналитиков демократической ориентации было распространено представление о том, что по мере разрушения социально-психологических опор прежней коммунистической системы будет происходить становление новых форм общественного сознания, создающих фундамент альтернативной демократической системы. Считалось, что гражданское общество окажет в России действенное сопротивление власти и авторитарным тенденциям, что структуры гражданского общества явятся важнейшим элементом процесса демократизации. К сожалению, реальность не подтвердила эти расчеты. Непредвзятый анализ показывает, что далеко не все структуры третьего сектора действительно заинтересованы в демократии.

Не вдаваясь в неясность различения гражданских, политических и иных негосударственных, неправительственных структур, можно уверенно сказать, что третий сектор и демократия в России находятся в очень непростых отношениях. В России на сегодняшний день полно НГО и НПО, которые, не успев стать нормальным противовесом государству, уже активно вписались в систему управления, становясь неким инструментом власти, с помощью которого власть решает некоторые свои задачи. Последнее время возникают все большие подозрения, что значительная часть всех этих спортивных клубов, хоровых обществ, кооперативов и культурных ассоциаций организованы самой властью для своих целей.

На мой взгляд, системообразующими факторами гражданского общества являются не большое количество негосударственных организаций, а наличие нескольких обязательных условий:

- рыночные отношения, пронизывающие все общество и контролируемые общественной моралью;
- уважение к закону, который стоит на защите прав человека;
- публичность власти, подкрепленная существованием независимой от власти прессы;
- наличие мощного среднего класса, который готов защищать свои права от любых посягательств.

Более того, рискну высказать предположение, что в эпоху постмодерна само существование постоянных общественных объединений находится под большим вопросом. Эти организации возникали в определенных социальных условиях как эффективный инструмент соорганизации индивидов и координации действий, направленных на защиту своих интересов. В эпоху электронной демократии, интернета и массовых коммуникаций необходимость в таких организациях существенно уменьшается. Главным элементом гражданского общества становится ответственный (или, как его иногда называют, «адекватный») гражданин. Такого гражданина характеризуют, с одной стороны, высокий уровень индивидуальной автономии по отношению к социуму вообще и к государственной власти в особенности. Такого человека многие авторы определяют как самоценную и самодостаточную. С другой стороны, этому типу личности присуща способность конструктивно взаимодействовать с другими личностями во имя общих целей,

интересов, ценностей, а также способность подчинять свои частные интересы и способы их достижения общему благу, выраженному в правовых нормах.

Совершенно очевидно, что для формирования такого типа социальных субъектов необходимы определенные институциональные предпосылки, прежде всего минимум демократических прав и свобод, делающих возможными и законными как автономию личности, так и самоорганизацию граждан для отстаивания общих интересов и целей. Однако одних лишь институциональных (в том числе правовых) условий для этого недостаточно. Не меньшую, а возможно, большую роль играют предпосылки культурные и социально-психологические. Субъектами гражданского общества могут быть, во-первых, только люди, знающие, что собственные действия - наилучший способ защиты своих интересов, решения волнующих их экономических, социальных, политических проблем. Во-вторых, реальный или потенциальный субъект гражданского общества - это человек, уверенный в том, что добиться реальных результатов можно, лишь объединив свои действия с действиями других людей. В-третьих, это люди, уважающие, но не боящиеся избранную ими власть.

К сожалению, в социально-психологическом отношении российское общество все еще пребывает, так сказать, в «разобранном состоянии», которое вообще не способно пока служить фундаментом чего-либо. И в такой ситуации инициатива, необходимая для углубления и закрепления демократических реформ, не может исходить «снизу», со стороны масс и институтов гражданского общества. Гражданскому обществу не хватает консолидированности для обеспечения такого вектора развития. В связи с этим сохраняется, а в некоторых отношениях даже усиливается «верхушечный» характер выработки курса политических сил, пребывающих у власти. Основными агентами общественных преобразований в России и их гарантами оказываются (или, если угодно, остаются) элитные группы и представители власти, но не гражданское общество. Ясно, однако, что в подобной ситуации перспективы преобразований зависят от множества случайностей. Политические события последних лет показали, сколь неустойчивым остается процесс демократической трансформации в стране и сколь опасно велика в нем роль отдельной личности. Ясно и то, что власть в таких условиях не только оказывается главным «мотором» реформирования общества, но и получает широкие возможности определять характер осуществляемых перемен в своих интересах. Таким образом, модернизация и демократизация российского общества обретают черты авторитарности.

Свойственное российской ментальности понимание свободы весьма специфично. Оно несет на себе отпечаток правового нигилизма и, как справедливо отмечал в свое время Н. Бердяев, пронизано тягой к анархии. В этих условиях неформальная активность самодеятельных граждан зачастую усиливает элементы хаоса в общественном развитии сегодняшней России, оборачивается злоупотреблением автономией, нарушением баланса интересов общества в целом и усилением в нем центробежных, конфронтационных тенденций.

Все это говорит о том, что процесс становления гражданского общества в России привел, к сожалению, явно не к тем результатам, которые рисовались в концепциях, отводивших этому обществу главенствующую роль в превращении демократии в образ жизни. В реальности гражданское общество как общество независимых, самодеятельных граждан, самостоятельно выражающих и защищающих свои интересы, в значительной мере приобрело достаточно уродливые черты, характеризуясь фрагментированностью, криминализацией, национализмом, нетерпимостью к инакомыслящим и максимализмом в отстаивании узкогрупповых, эгоистических интересов.

Обязательным элементом гражданского общества являются независимые от власти СМИ. Прежде всего, именно они обеспечивают население достоверной и актуальной информацией о наиболее важных для граждан событиях. Во-вторых, они участвуют в выражении и формировании общественного мнения о тех или иных политических институтах, об экономической, политической, культурной и других сферах жизни общества. В-третьих, СМИ реализуют образовательную функцию, которая, в свою очередь, связана с функцией социализации и, по существу, перерастает в нее. Кроме того, СМИ в правовом гражданском обществе осуществляют, опираясь на общественное мнение и на закон, функцию критики и контроля. И, наконец, самое главное. Именно СМИ выступают в гражданском обществе инструментом диалога между различными социальными группами. Только такой диалог, основанный на журналистской этике и правилах ведения бизнеса в сфере СМИ, способен сплачивать, консолидировать общество, политически просвещать людей, развивать в них чувство собственного достоинства, а не являться орудием духовного порабощения, запугивания и дезинформации людей.

Так уж случилось, но в силу переходности состояния российского социума именно СМИ, начиная с 1985-1986 годов, взяли на себя функции гражданского общества. Можно сказать жестче - журналистское сообщество узурпировало право выражать цели, интересы, ценности, чаяния граждан. Узурпировало вынужденно, ибо никаких иных механизмов и структур, которые могли бы демократическим путем консолидировать мнение граждан, не было и нет до сих пор.

Однако в процессе реализации этой миссии СМИ породили для себя и общества серьезную проблему. Сегодня пресса по-прежнему выражает от имени населения его интересы, ценности, представления, при этом, как правило, вообще не обращаясь к населению. И пресса, полная самых благих намерений, постепенно перестала слышать мнение населения и стала рассматривать себя не как трибуну, а как голос гражданского общества. Население - само по себе, а пресса - сама по себе. Профессиональное сообщество, обслуживающее прессу, безусловно, относится к продвинутым социальным слоям, но может ли оно считать себя на этом основании голосом общества? Может быть, оно является голосом лишь самого себя?

Все серьезные аналитики, изучающие российские масс-медиа, сходятся во мнении о том, что в сегодняшней России положение дел в сфере выполнения журналистами своей информационной функции существенно усложнилось. С одной стороны, средства массовой информации превратились за прошедшие годы в важнейший и, может быть, единственный по-настоящему действенный институт, в какой-то мере реализующий идеи демократии. С другой стороны, оказалось, что гласность сама нуждается в определенных гарантиях, главными из которых являются развитость гражданского общества, согласованность рыночных преобразований и становления демократических учреждений, опирающихся на создание действительно эффективных судебной и правоохранительной систем.

Очевидно, что дальнейшие изменения в российской ситуации будут определяться тем, по какому пути пойдет развитие государства и общества в целом. Самый пессимистический сценарий основан на предположении, что сопротивление определенных социальных структур сорвет планы перехода страны к рыночной экономике и демократии. Шансов на реализацию такого сценария немного, но они не равны нулю. Если развитие пойдет по этому пути, то России угрожает не только внутренняя, но и внешняя катастрофа. Что касается печати, то, очевидно, что будет реставрирована тоталитарная система управления средствами массовой информации. Другой сценарий, который многие специалисты считают наиболее вероятным, основан на предположении, что в обозримом будущем Россия будет умеренно авторитарным государством с экономикой смешанного государственно-капиталистического типа. В случае реализации этого сценария, государство будет стремиться управлять и структурами третьего сектора, и средствами массовой информации, используя как правовые, так и неправовые рычаги.

Информационные ресурсы России. 2005. № 2